

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.54.24.003>

УДК 93/94

ОБРАЗ ЛЖЕДМИТРИЯ III: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Алексеев В.В.

«Военный институт (военных дирижеров) Военного университета имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. *Смутное время и воцарение Лжедмитрия III – один из самых малоизученных этапов отечественной истории. В широком доступе информации о данном периоде достаточно мало, однако, благодаря архивам и летописям Пскова, удалось найти редкие документы с информацией о последнем Самозванце в России. В статье рассматриваются такие вопросы, как: появление Лжедмитрия как царя, восход на престол, царствование и последующая его жизнь. В задачи исследования вошло: систематизировать из разных источников информацию о социальной борьбе в Пскове в начале XVII века, максимально полно отобразить образ Лжедмитрия III, найти и убрать сомнительные сведения о Самозванце. Затронутая тема достаточно обширна и малоизученна, что может представлять большой интерес для историков.*

Ключевые слова: *смутное время, Лжедмитрий II, Лжедмитрий III, Шуйский, Псков XVI-XVII вв., Сидорка, социальная борьба.*

THE IMAGE OF FALSE DMITRY III: HISTORICAL CONTEXT

Vladimir V. Alekseev

Military Institute (Military Conductors) Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. *The Time of Troubles and the accession of False Dmitry III is one of the most poorly studied stages of history. There is very little information about this period in the public domain, however, thanks to the archives and chronicles of Pskov, it was possible to find rare documents with information about the last Pretender in Russia. The article discusses such issues as: the emergence of False Dmitry as a king, his ascension to the throne, his reign and his subsequent life. The objectives of the study included: systematizing information from various sources about the social struggle in Pskov at the beginning of the 17th century, displaying the image of False Dmitry III as fully as possible, finding and removing dubious information about the Pretender. The topic raised is quite extensive and little studied, which may be of great interest to historians.*

Keywords: *time of troubles, False Dmitry II, False Dmitry III, Shuisky, Pskov XVI-XVII centuries, Sidorka, social struggle.*

Введение.

Смутное время конца XVI – начала XVII веков, ставшее переломным в судьбах Русского государства, относится к числу наиболее сложных

и драматичных периодов отечественной истории. Все общественные силы страны оказались, так или иначе, вовлечёнными в быстро меняющиеся

события. Особенно острой была политическая борьба. Достаточно сказать, что за время Смуты на русский престол претендовало 14 человек, 8 из них правили страной [1, с. 3].

Один из претендентов, Лжедмитрий III, с лёгкой руки современников вошёл в историю как «псковский вор» Сидорка: в условиях Смутного времени самозванцу удалось почти на 6 месяцев утвердиться в Пскове. Некоторое время он был популярен, и 2 марта 1612 года отряды Первого ополчения даже присягнули объявившемуся «царевичу Дмитрию».

Между тем, в исторической литературе отсутствуют сколько-нибудь подробные сведения о самозванце. В фундаментальных «Очерках по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII веков» известного историка С.Ф. Платонова о Сидорке почти не говорится [2]. В «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва самозванцу посвящено несколько строк [3]. Даже в научно-популярных изданиях «Псков. Очерки истории» [4] и «Псковский край в истории России» его имя не упоминается [5].

Вот почему настоящая работа имеет своей целью собрать воедино имеющиеся о Лжедмитрии III данные: появление как царя, восход на престол, царствование и последующая. Но прежде чем обратиться к биографии самозванца и обстоятельствам утверждения его в Пскове, следует коснуться некоторых событий псковской истории начала XVII века и особенно восстания 1606-1611 годов.

Социальная борьба в Пскове в начале XVII века.

В Пскове XVII века положение различных слоёв населения и даже различных групп внутри одного слоя было неодинаковым. Следствием имущественного расслоения явилось явное деление жителей на две противоположные силы, столкновение интересов которых на протяжении 17 столетия неоднократно доходило до вооружённой борьбы. С одной стороны, «молодые» посадские люди, молодые стрельцы, монастырские служки, площадные подьячие, некоторые попы и дьяконы из низших слоёв духовенства, с другой – «лучшие» посадские люди, стрельцкие пятидесятники, чёрное и, отчасти, белое духовенство, подьячие на государственной службе и дети боярские. Посередине стоят промежуточные группы: старые стрельцы, «средние» посадские люди, казаки, пушкарки и часть духовенства [6, с. 36-47].

К началу XVII века социальные противоречия в Пскове, как и во всей России, оказались обострёнными до предела. Это было обусловлено, в первую очередь, хозяйственным упадком посадков, наступившим в результате Ливонской войны и связанной с нею жестокой фискальной политикой царского правительства. К налоговому гнёту добавились злоупотребления воевод. Голод 1601-1603 гг. ещё более усугубил тяжесть положения горожан. Социальная напряжённость в Пскове привела к восстанию 1606-1611 гг., в развитии которого прослеживается несколько этапов.

Началось восстание в связи с тем, что в 1606г. «царь Василий Шуйский просал денег з гостей славных мужей и великих, ... и оне собрали девятьсот рублей со всего Пскова, з больших и с меньших и со вдовиц по раскладу» [7, с. 267]. В Москву с деньгами отправили пятерых псковичей. Одновременно псковский воевода Пётр Шереметев послал письмо, в котором обвинил четверых из них в нежелании добра государю и отказе дать деньги. Посланцы были арестованы и приговорены к казни. Только заступничество псковских стрельцов, находившихся в то время в Москве, позволило арестованным сохранить жизнь.

Известие о судьбе четверых псковичей вызвало в Пскове бурю возмущения против семерых «гостей» во главе с Алексеем Хозиным – виновником несправедливого «расклада». Воевода вынужден был посадить их в тюрьму во избежание восстания и расправы. В Москву послали письмо с требованием отпустить задержанных псковичей: «... а за тех людей гости посажены в тюрьмы, и смятение великое во Пскове» [7, с. 268]. Задержанные вернулись из Москвы домой, но волнения не утихли: «Развращение бысть велие во Пскове, болюшии на меньших, меньшии на болюших, и тако бысть к погибели всем» [7, с. 268]. В 1607 г. царь Василий Шуйский прислал в Псков, в тюрьмы, более 400 человек болотниковцев, «и тех псковичи поили, и кормили, и одевали, и плакали на них смотря» [7, с. 269]. Из того, что псковичи не отва-

жились выпустить заключённых, несмотря на сочувствие к ним, видно, что к этому времени волнение в Пскове временно затихло [8, 87].

Новый подъём восстания произошёл 1 сентября 1608 г. и был связан с многочисленными злоупотреблениями со стороны воеводы П. Шереметева и дьяка И. Грамотина, а также опасностью подхода шведских интервентов. К этому времени на западных окраинах России появился Лжедмитрий II, вокруг которого объединились и польская интервенция, и массовое движение различных социальных сил внутри самого Русского государства. Отряды самозванца, состоявшие преимущественно из русских, достигли Псковской земли и стали агитировать население за «законного царя». Воевода П. Шереметев не смог организовать отпор тушинцам и решил воспользоваться помощью шведов, с которыми вёл переговоры М.В. Скопин-Шуйский о совместных военных действиях против Лжедмитрия II и польско-литовских магнатов. Однако псковичи решительно отказались от услуг иноземцев: «Мы де не хотим Немець, и за то помрём» [7, с. 270].

Антинациональная политика и злоупотребления местной власти привели к её полной изоляции. Население города разделилось на две части, большинство было против воеводы и иноземной помощи. К тому же, стало известно, что П.Шереметев направил в Москву письмо с обвинением в измене государю 70 псковичей. Он надеялся с приходом новгородско-

шведского войска «стрельцов казнити, и Псков смирити» [7, с. 270].

Как только 1 сентября 1608 г. пронёсся слух, будто шведы появились в устье Великой, псковичи впустили в город отряд тушинского воеводы Ф. Плещеева. Его боеспособность была крайне низкой: «... а людишки худые стрельцы и подымщина не многие ратные люди» [7, с. 271]. Власть воеводы рухнула, следовательно, не под напором тушинцев, а в результате восстания. На другой день, 2 сентября, горожане целовали крест «царевичу Дмитрию Московскому» (т.е. Лжедмитрию II), выпустили из тюрем болотниковцев. Шереметев был заключён в тюрьму, его место заняли тушинские воеводы. Псковичи не чувствовали себя изменниками. Для них было главным, чтобы иноземцы не овладели псковскими городами. Вслед за Псковом осенью 1608 г. целовали крест Лжедмитрию II Копорье, Ям, Ивангород, Корела, Орешек.

Третий этап восстания, принёсший победу наиболее радикально настроенной прослойке «меньших», начался в связи с большим пожаром 15 мая 1609 г. «Меньшие» обвинили «больших» в поджоге и поднялись на их дома и дворы. Вскоре к Пскову, по приказу М.В. Скопина-Шуйского, подошёл новгородско-шведский отряд, неоднократно пытавшийся овладеть городом. При попытке перебежать к шведам, было поймано несколько богатых псковичей, которые под пытками рассказали о многочисленных фактах связи «больших» людей с врагами.

В этой обстановке социальная борьба в Пскове достигла своей высшей точки. Заново сложились два бьющихся лагеря, размежевание стало резче и чётче: в лагере «меньших» не стало даже ничтожного числа «детей боярских», а «средние» отошли от «больших». В городе воскресли вечевые порядки, все дела решались всенародно. Тушинского воеводу не свергли, но инициатива перешла в руки выборных старост, посадских мелких людей и стрельцов. Среди них выдвинулся «мужик простой» Тимофей Кудекуша, который «воеводам указывал и стоял крепко у пыток, а инии к нему таковой же присташа и овладеша градом» [7, с. 272].

В июне 1609 г. был убит свергнутый воевода П.Н. Шереметев. Но пытки и казни не были самоцелью, они были средством вернуть городу его силу и неприступность, отразить шведов и их сторонников. С лета 1609 г. Псков не подчинялся ни тушинцам, ни Шуйскому, а жил сам по себе и помогал пригородам в борьбе с иноземцами. Высокий подъём восстания продолжался 3 месяца. Перелом произошёл 18 августа 1609 г., когда стрельцы без совета со всем Псковом казнили видного псковского купца Алексея Хозина, за что были изгнаны из города в свою слободу. Если прежде «больших» казнили за связь с интервентами, то теперь на первый план выступили социальные причины. Такой оборот дела напугал «средних» людей, и они переметнулись в лагерь «больших». Соотношение сил изменилось, началась расправа над восставшими: 10 руководителей

из их числа были казнены, остальных пытали и били кнутом.

Однако в феврале 1610 г. борьба обрела новый поворот. Получив известие о разгроме отрядов Лжедмитрия II, «большие» люди вооружились и собрались за стенами Крома, чтобы принести присягу Василию Шуйскому и окончательно смирить «мелких» людей. Опасность расправы привела к объединению сил и вооружённому выступлению торгово-ремесленного населения и стрельцов. «Меньшие» снова пришли к власти. Хотя в их действиях не было прежнего радикализма, население города выстояло против внутренней оппозиции и решало без всякой помощи извне сложные дела повседневной жизни и обороны от поляков и шведов. «В те лета смутные воевод не было во Пскове, один был дьякъ Иван Леонтевич Луговской да посадские люди даны ему в помощь. И с теми людьми всякие дела и ратные и земские росправы чинил. И Божию милостию иноземцы не совладели ни единым городом псковским» [7, с. 276]. На требование Москвы присягнуть польскому королевичу Владиславу псковичи ответили решительным отказом.

Именно в этот период на псковской земле неожиданно объявился новый самозванец.

Лжедмитрий III.

Русские авторы допускали вопиющие противоречия, едва речь заходила о Лжедмитрии III. В грамотах князя Дмитрия Пожарского, например, самозванец именуется «вором

Сидоркой» [9, с. 95]. В рассказе «Нового летописца» с заголовком «О Сидорке, Псковском воре», вдруг сообщается, что он «с Москвы из-за Яузы дьякон Матюшка и назвался царём Дмитрием» [10, с. 115]. Исследователи так никогда и не установили истинного имени Лжедмитрия III, как и многих других фактов его биографии.

Где был этот человек в момент гибели Лжедмитрия II, никто не знает. В поле зрения историков, сбежавший из Москвы «роздьякон», попал уже будучи в Новгороде, где пытался заняться мелкой торговлей. Вскоре он разорился, вынужден был просить милостыню, тогда-то и объявил новгородцам своё «царское» имя. Толпа осыпала новоявленного царя насмешками: многие узнали в нём бродячего торговца. Незадачливому самозванцу пришлось бежать из Новгорода в Ивангород в сопровождении нескольких десятков поверивших ему казаков [11, с. 399]. Летопись сообщает, что 23 марта 1611 г. «в Великую субботу проявился последней вор из Новгорода, назвався царевичем Димитрием» [7, с. 275].

Обосновавшись в Ивангороде и добившись там признания, Лжедмитрий III начал рассылать грамоты в Псков и пригороды, заявляя, что он «царь». Псковичи невероятной новости не поверили. Они с позором отправили назад привезшего грамоту посланца «царевича» и заявили, что «ивангородский вор» безбожник и вероотступник и что они не хотят его к себе в цари [12, с. 159-161]. Ворами в те времена называли людей, которые шли против царя.

Однако среди горожан обнаружили и сторонники самозванца. Псковские казаки объявили 15 апреля, что выступают в поход против отрядов Лисовского, а сами «пошли на Ивангород к вору» [7, с. 276]. Получив такую поддержку, Лжедмитрий III собрал всё своё воинство и 8 июля 1611 г. подошёл к Пскову. Псковичи отклонили требование «царевича» предоставить ему ключи от города и не открыли ворот.

Началась более чем шестинедельная осада. В ход были пущены стенобитные и метательные орудия, город постоянно обстреливался, но мужественное сопротивление горожан свело на нет все усилия самозванца.

Внезапно осаждавшие ушли: испугавшись приближения шведов, Лжедмитрий III со своим войском 23 августа бежал к Ивангороду. Иноземцы настигли беглецов за Гдовом, перебили многих людей, но самому «вору» с небольшим отрядом удалось спастись [12, с. 161].

Восставший Псков в этот период времени оказался в тяжелейшем положении. Псковская земля подверглась разорению от набега польско-литовских войск гетмана Яна Ходкевича, отрядов служившего полякам тушинского воеводы А.Лисовского, шведских войск во главе с И. Горном. Враги неоднократно осаждали и обстреливали город, пытались завладеть им. «Многие напасти отвсяду сходятся, а помощи ниоткуда нетъ», - восклицает летописец [7, с. 276].

Из последних сил отражая натиск иноземных захватчиков, пско-

вичи обратились за помощью к первому ополчению. Оттуда в октябре прибыли воеводы Н. Хвостов и М. Милославский с отрядом казаков, среди которых было много сторонников казнённого Лжедмитрия II. Это, очевидно, изменило ситуацию в городе. Под влиянием их агитации из Пскова в Ивангород были посланы выборные от всех сословий. Они явились к «царевичу Дмитрию» с повинной и передали приглашение псковского «мира».

Самозванец не заставил себя ждать: «декабря в 4 день проиде сквозе Немец вор во Псков», где был принят со всеми почестями [7, с. 277]. Такой поворот событий - приезд бояр-воевод и признание нового самозванца - означал, видимо, конец восстания и победу «больших» в Пскове: из темниц были освобождены богатые псковичи, на их место посажены представители «меньших» [8, с. 97].

Одним из первых дел Лжедмитрия III по водворении его в Пскове явилась посылка в подмосковные таборы казачьего атамана Герасима Попова с грамотами, в которых сообщалось, что «царевич» жив «и ныне во Пскове» [10, с. 115]. В ответ подмосковные воеводы в январе 1612 г. направили в Псков Казарина Бегичева, лично знавшего убитого Лжедмитрия II. Бегичев, встретившись с самозванцем и увидев вокруг него плотное кольцо грозных телохранителей, побоялся расправы и вынужден был подтвердить «подлинность» чудом спасшегося «царевича». «Той же Казарин не пожелел своей души и ста-

рости и, увидев вора, воскричал великим гласом, что «истинной государь наш, Колужской» [10, с. 118]. В результате, уже 2 марта 1612 года подмосковные таборы «целовали крест» самозванцу.

Однако руководители и ветераны ополчения, своими глазами видевшие труп Лжедмитрия II с отрубленной головой, решили разоблачить «псковского вора». Его ещё открыто не отвергли, но имя «царевича Дмитрия» уже в марте исчезло из грамот подмосковных воевод. В Псков с целью «правда вора досмотреть» был послан в марте Иван Васильевич Плещеев, который у «Калужского вора близок был» и потому авторитетнее других мог выяснить, он ли царствовал теперь в Пскове [9, с. 102].

Плещеев прибыл в Псков 11 апреля, и в начале мая под Москвой получили от него известие о самозванстве нового Дмитрия. Уже 10 мая, чтобы лишить Лжедмитрия III верных ему казаков, последних послали из Пскова в Порхов [9, с. 103]. Положение самозванца в Пскове к этому времени было очень непрочным. Горожане разочаровались в «царевиче»: он лишь развратничал и облагал поборами, оказался неспособным изгнать за пределы Псковщины иноземцев. «Тогда псковичи окончательно разуварились в лжецарях, обманщиках, и начали тужить и страдать от его притеснений» [12, с. 161].

Почуввав близкую опасность, Сидорка ночью 18 мая 1612 г. бежал к Гдову с небольшим отрядом казаков. Однако уже 20 мая его поймали, привезли на позор в Псков, а 1 июля под

усиленной охраной отправили в Москву [7, с. 277]. Там руководители ополчения поступили мудро. Вместо того, чтобы казнить «вора», они посадили его на цепь в клетку для всеобщего обозрения. Всякий мог увидеть лжецаря и плюнуть на него [11, с. 489]. Исследователи, специально занимавшиеся изучением биографии Сидорки, отмечают, что дальнейших известий о его судьбе не сохранилось [11, с. 489; 13, с. 857]. Вместе с тем, историк В.И. Охотникова сообщает, что после избрания на престол Михаила Романова самозванец был повешен [12, с. 568]. Так бесславно закончилась жизнь авантюриста Сидорки (или Матюшки), третьего по счёту Лжедмитрия.

Заключение.

В начале XVII века Псков не был в эпицентре бурных событий в Российском государстве и в сложной политической борьбе того времени занимал независимую позицию. По справедливому замечанию В.И. Охотниковой, псковичи сами решали, кому присягать и кого признавать, кого из новых претендентов на царский престол поддерживать [12, с. 566-567]. История утверждения в Пскове на пять с половиной месяцев Лжедмитрия III является тому подтверждением.

Однозначно оценить позицию псковичей невозможно, она была противоречивой и осложнялась внутренней борьбой между различными социальными группировками в самом Пскове. Следует отметить, однако, что в это смутное время Псков был

почти единственным городом, который не шёл ни на какие соглашения с иноземцами, претендовавшими на политическое господство. Псковичи защищали свои земли от польских отрядов Лисовского, в течение нескольких

лет вели постоянную борьбу со шведами, отказались присягать королевицу Владиславу, ставленнику московского боярства. Как и в прежние века, Псков оставался верен Отчизне и с завидным упорством отстаивал интересы Русского государства.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Морозова Л.Е. *Смутное время в России (конец XVI – начало XVII в.)*. – М., 1990. – 63 с.
2. Платонов С.Ф. *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время)*. – М., 1937. – 624 с.
3. Соловьев С.Н. *Сочинения. В 18 кн.* – М., 1989. - Кн. 4. *История России с древнейших времен.* – Т. 7-8.
4. *Псковский край в истории СССР. Очерки истории.* – Л., 1970. – 479 с.
5. *Псковский край в истории России.* – Псков, 1994. – 319 с.
6. Тихомиров М.Н. *Классовая борьба в России 17 в.* – М., 1969. – 444 с.
7. *Псковские летописи. Под редакцией А. Н. Насонова.* – М., 1955. – Вып.2. – 364 с.
8. *Псков. Очерки истории.* – Л., 1990. – 367 с.
9. Любимиров П. Г. *Очерк по истории Нижегородского ополчения 1611 – 1613 гг.* – М., 1939. – 342 с.
10. *Новый летописец // Полное Собрание Русских Летописей.* – М., 1965. –Т.14. – 285 с.
11. Скрынников Р.Г. *Крушение царства: Историческое повествование (Смутное время. Конец XVI – начало XVII в.)*. – М., 1995. – 129 с.
12. *Псковская летописная повесть о Смутном времени (Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой) / Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков.* – М., 1987. – С. 146-161.
13. Назаров В.Д. *Сидорка / Советская историческая энциклопедия.* – М., 1969.- Т. 12. – 792 стб.

References

1. Morozova L.E. *Time of Troubles in Russia (late 16th – early 17th centuries)*. – М., 1990. – 63 s.
2. Platonov S.F. *Essays on the history of the Time of Troubles in the Moscow State of the 16th – 17th centuries. (Experience in studying the social system and class relations in troubled times)*. – М., 1937. – 624 p.
3. Soloviev S.N. *Essays. In 18 books.* – М., 1989. - Book. 4. *History of Russia since ancient times.* – Т. 7-8.
4. *Pskov region in the history of the USSR. Essays on history.* – L., 1970. – 479 p.

5. *Pskov region in the history of Russia*. – Pskov, 1994. – 319 p.
6. *Tikhomirov M.N. Class struggle in Russia in the 17th century*. – M., 1969. – 444 p.
7. *Pskov Chronicles. Edited by A. N. Nasonov*. – M., 1955. – Issue 2. -364 s.
8. *Pskov. Essays on history*. – L., 1990. – 367 p.
9. *Lyubomirov P. G. Essay on the history of the Nizhny Novgorod militia of 1611 - 1613*. – M., 1939. – 342 p.
10. *New Chronicler // Complete Collection of Russian Chronicles*. – M., 1965. – T.14. – 285 p.
11. *Skrynnikov R.G. The Collapse of the Kingdom: Historical Narrative (Time of Troubles. End of the 16th - beginning of the 17th century)*. – M., 1995. – 129 p.
12. *Pskov chronicle story about the Time of Troubles (Text preparation, translation and comments by V. I. Okhotnikova) / Monuments of literature of Ancient Rus. The end of the 16th – the beginning of the 17th centuries*. – M., 1987. – P. 146-161
13. *Nazarov V.D. Sidorka / Soviet historical encyclopedia*. – M., 1969. – T. 12. – 792 stb.

Информация об авторе:

Алексеев Владимир Валентинович, курсант «Военного института (военных дирижеров) Военного университета имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, РФ, vova54417@gmail.com

Alekseev Vladimir V., Cadet of the Military Institute (Military Conductors) of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation